

ВЛАДИМИР ПУХОВЦЕВ

**ЖИТИЄ
СВЯТОГО
ВАЛЕНТИНА**

Владимир Пуховцев

Житиё Святого Валентина

«Издательские решения»

Пуховцев В.

Житиё Святого Валентина / В. Пуховцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855246-5

Первая в мире литературная версия легенд об одном из самых популярнейших персонажей мировой мифологии — Святом Валентине.

ISBN 978-5-44-855246-5

© Пуховцев В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Житиё Святого Валентина

Владимир Пуховцев

© Владимир Пуховцев, 2017

ISBN 978-5-4485-5246-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Полагая несправедливым то, что до сих пор не существует ни одной литературной версии легенд о Святом Валентине, я написал роман, который склонен считать условно историческим и условно биографическим.

Что касается исторической составляющей. Наши знания о жизни Древнего Рима ограничены временной пропастью, которая разделяет тот Рим и современность. Разумеется, для характеристики быта древних римлян я старался использовать лишь те детали, которые имеют документальное подтверждение. Но даже с учётом этого я не претендую на бесспорность и историческую подлинность, ибо в процессе работы над романом с удивлением обнаружил, что признанные знатоки истории Древнего Рима подчас по-разному трактуют одни и те же предметы и события. И вокруг этого бушуют страстные споры, по своему накалу сопоставимые разве что с дискуссией лилипутов о том, с какой стороны следует разбивать яйцо.

Что касается личности Валентина. Более-менее обоснованно, на эту роль имеется три претендента. Все трое Валентины, и все канонизированы. Каждый из них обладал качествами, выделяющими его среди прочих людей, чем и запомнился современникам настолько, что сведения сохранились до нашего времени. По странному стечению обстоятельств, мученическая смерть всех троих наступила 14 февраля; лишь один из них имеет определённое отношение к городу Интерамна (ныне Терни, Италия), но, ни один в истории романтического плана замечен не был.

Особо деликатный вопрос – детали теологического характера. О временах раннего Христианства сохранилось мало информации. И здесь также имеются противоречивые толкования. Во всяком случае, некоторые нюансы мне до состояния полной уверенности прояснить не удалось. Заранее признаю, что в описании всего того, что касается деятельности ранних христиан, я вполне мог допустить погрешности. Однако я склонен квалифицировать их как неточности, обусловленные неотъемлемым правом автора на художественный вымысел, поскольку, не имея возможности исходить из того «как было», исходил из того, «как могло быть».

Все три оговоренных мною выше момента имеют две общих детали – недостаточность и противоречивость имеющейся информации. С учётом этих деталей я не считаю себя имеющим моральное право твёрдо именовать роман историческим или некоей претензией на литературную объединительную обработку мартирологов упомянутых выше Валентинов.

Предлагаю сойтись на том, что я просто отпустил в вольный полёт свою фантазию, ограничив её лишь рамками *духа* той романтической легенды о Святом Валентине, которая повсеместно распространилась как следствие постоянного роста популярности Дня Влюблённых во всём мире. И в результате получился просто **роман**, автор которого оставляет за каждым читателем право отнести его к тому или иному литературному жанру.

Глава 1

Немногим более девяти лет Пронтоний не был в Риме. Он был легатом¹, и это воинское звание обязывало его быть в эпицентре всех войн, которые вёл Рим, а Рим воевал практически непрерывно. Храм Януса, который закрывался тогда, когда на всём пространстве империи устанавливался мир, был постоянно, и уже очень длительное время, открыт.

С большой неохотой Пронтония отпустили домой на небольшой срок набраться сил после раны: стрела меткого варвара попала в плечо, не задев, к счастью, кость.

Пробыв дома три дня, Пронтоний стал тяготиться монотонным покоем мирной жизни и решил навестить Кратония, с которым они были дружны ещё с детства. Сейчас, как рассказал старший брат, Кратоний считался одним из самых учёных людей Рима и к нему за советами часто обращался сам император Галлиен.

Пронтоний хотел отправиться в путь пешком, но старший брат убедил его в том, что сейчас в Риме так не передвигается ни один благородный гражданин. Путь на лектике², которую несли восемь рабов, занял много времени и Пронтоний с интересом рассматривал, как изменился Рим за время его отсутствия и сценки городской жизни.

На улицах часто встречались сидящие за столами менялы, громко выкрикивающие призывы поменять чужеземные монеты на римские, купить-продать золото, серебро и медь.

На небольшой площади на специально сооружённых подмостках были выставлены для продажи несколько десятков рабов. Выстроенные рядами со скрещенными руками на груди, они все были почти нагие: на бёдрах лишь цветные матерчатые повязки, ноги выбелены мелом. На шее у всех висела воцеленная деревянная табличка с нацарапанными на ней стилосом³ возрастом, именем и сведениями о том, какими они владеют ремеслами. Цена зависела от физического состояния раба и ремесла, которым он владеет. Ценились кузнецы, медники, плотники, сапожники, гончары, так как, имея двух-трёх хороших ремесленников, семья их хозяина могла обеспечить себе безбедное существование, торгуя их изделиями. Хороший раб – покупка серьезная и надолго, поэтому придирчивые покупатели ощупывали рёбра, плечи, ноги, осматривали зубы и язык.

По улицам бродило множество людей. Свободные римские граждане отличались от рабов гордой осанкой и прямым взглядом. У некоторых рабов была обрита половина головы, ноги закованы в цепи и на шее находилось железное кольцо.

Пронтоний отвык от городской жизни, её бестолковая суета была так не похожа на строгий порядок военного лагеря. Он вскоре стал чувствовать себя неудобно и с облегчением вздохнул, когда увидел дом Кратония.

С тех пор как он видел дом в последний раз, дом значительно преобразился: многие помещения были достроены, вокруг дома появился прекрасный сад с фонтанами, статуями и аккуратными травяными лужайками. Особенно впечатлила Пронтония отводная ветвь акведука⁴, подающая воду на дом: для этого требовалось специальное разрешение самого императора

Следом за Пронтонием в дом вошла только сандалигерула – рабыня, которая несла его домашнюю обувь. Она сразу же удалилась обратно во двор, как только передала эти сандалии рабыне Кратония. Рабы, усадив Пронтония, аккуратно сняли его воинские калиги⁵ красного цвета, цвета, который свидетельствовал о высоком общественном положении гостя. Обувать

¹ Легат – военачальник, командующий легионом. Легион состоял из 6200 пехотинцев и 726 всадников.

² Лектика – обустроенные для комфортного сидения носилки, на которых передвигались знатные граждане.

³ Стилос – тонкая заостренная палочка для написания текста на покрытой воском табличке.

⁴ Акведук – водопровод из больших глиняных или свинцовых труб, которых в Риме было 11.

⁵ Калиги – воинские полуботинки, которые покрывали икры до половины.

общепринятые среди гражданских лиц башмаки-сапоги Пронтоний не захотел, несмотря ни на какие уговоры старшего брата.

Один из рабов хозяина дома сразу принес таз с тёплой водой и рабыни приступили к процедуре омовения ног гостя. После того как ноги тщательно вытерли полотенцем, рабыни умастили их аравийскими благовонными маслами. Пронтоний обул солеас и раб хозяина провёл его в триклиний – специальное помещение в доме, где принимали пищу и потчевали гостей. По пути он с интересом разглядывал картинки-сценки, искусно выложенные цветными фрагментами на мозаичном полу.

Предупреждённый рабом-номенклатором⁶, в триклинии его уже ждал хозяин. Это был среднего роста мужчина лет сорока пяти, с волосами, стриженными «ёжиком», с пытливыми, табачного цвета глазами, твёрдым подбородком и прямым, тонким носом.

– Я рад снова приветствовать тебя в своём доме, Пронтоний, – обратился хозяин к гостю и, приглашая, махнул рукой в сторону угла, где находились лежа⁷, покрытые матрасами и подушками, – и да хранит тебя Марс⁸.

– И я очень рад снова видеть тебя, Кратоний, – ответил Пронтоний, приложив обе руки к груди. – Хотя это уже далеко не тот прежний дом, который я знал когда-то. Это без всяких преувеличений – дворец, в котором можно бесконечно наслаждаться жизнью!

Кратоний улыбнулся, но его улыбка получилась какой-то неестественной. На его лице зримо лежал отпечаток грусти или, скорее, растерянности, характерный для людей, впервые сталкивающихся с неразрешимой задачей либо с большим горем.

Пронтоний, как опытный военачальник, который обязан обеспечивать слаженные действия тысяч своих солдат, за годы службы стал неплохим психологом, ибо от умения разбираться в душевном состоянии своих подчинённых в определяющей степени зависел конечный результат любого из сражений. Поэтому этот оттенок грусти заставил его заподозрить, что в жизни Кратония есть что-то, что лишает его покоя и не даёт подобно иным знатым римлянам наслаждаться роскошью и всеми преимуществами высокого положения в обществе.

Рабыни осторожно сняли с Пронтония тогу и аккуратно одели его в синтесис – очень лёгкую тунику, предназначенную специально для приёма пищи, чтобы не пачкалась парадная одежда.

Два раба внесли тазы с тёплой водой для омовения рук. Рабыни сразу же по окончании мытья рук, подали чистые полотенца. Как только Пронтоний и Кратоний улеглись на лежах, красивые рабыни в полупрозрачных туниках внесли уже накрытые яствами столы.

Следом за рабынями вошла жена Кратония, произнесла приличествующие случаю приветствия гостю, и, пожелав им обоим благосклонности богов при приёме пищи, удалилась – присутствие женщин в триклинии в римском обществе не запрещалось, но и не приветствовалось. На её лице Пронтоний отметил сам для себя тот же оттенок грусти, который он зафиксировал в улыбке хозяина дома. Это ещё больше укрепило его во мнении, что в жизни обитателей этого дома существует некое обстоятельство, лишаящее их покоя.

Раб, отвечающий исключительно за напитки, прямо в небольших серебряных кубках разбавил вино⁹, настоящее на травах, водой и подал сначала гостю, а затем хозяину. Пронтоний и Кратоний выпили вино во славу Юпитера¹⁰ и стали руками брать еду с блюд – для удобства всё было заранее порезано на кусочки.

⁶ Раб-номенклатор – раб, основной обязанностью которого было отслеживать процедурные моменты приёма гостей: когда подавать воду для мытья рук, полотенца, пищу, напитки и т. п.

⁷ Древние римляне принимали пищу лёжа.

⁸ Бог войны у древних римлян.

⁹ Вино пили, только предварительно разбавив его водой.

¹⁰ Главный из богов, в которых верили римляне, бог-аналог древнегреческого Зевса.

Только после того, как оба насытились и выпили немало кубков вина, Кратоний стал расспрашивать гостя о его жизни и воинских приключениях.

Пронтоний был прекрасным рассказчиком и любил рассказывать, поэтому увлёкся, а затем устыдился своей увлечённости. Заметив это, Кратоний попросил:

– Давай выпьем во славу Вакха¹¹, и ты продолжишь свой рассказ. Мне чрезвычайно интересны нравы и обычаи других народов, о которых ты так увлекательно рассказываешь. Мне кажется, что культура Рима, достигнув своего пика, деградирует. Рим погряз в роскоши, праздности и разврате. Даже вольноотпущенники¹², презрели истину о том, что основа благосостояния есть труд и реальное производство материальных благ, всё чаще и чаще собираются в толпы и скандируют лозунг: «Хлеба и зрелищ!» Они пользуются тем, что у римских сенаторов от накопленных состояний ожирели мозги, и они не способны увидеть реальной опасности, грозная тень которой накрывает Рим всё больше и больше. Из общества созидателей мы превратились в общество потребителей, несущее другим народам неволю.

Кратоний сделав несколько глотков, осушил свой кубок, дождался, пока выпьет гость, и продолжил:

– Практически все материальные ценности Рима создаются руками рабов, в армии, вряд ли ты мне в этом сможешь возразить, всё меньше граждан Рима и всё больше наёмников из провинций. Чем же в таком случае занят народ Рима?

Пронтоний с удовлетворением отметил про себя то обстоятельство, что с лица увлечённого рассуждениями Кратония исчезла грусть и, улыбнувшись этим своим мыслям, поощрил хозяина к дальнейшим рассуждениям:

– Если я правильно понимаю тебя, то ты предлагаешь частичную ассимиляцию культуры Рима в пользу культуры варваров?

– Не совсем так, но где-то довольно близко к этому. Риму нужна свежая кровь. Ты не читал Тацитовы¹³ «Историю» и «Анналы»?

– Нет, – ответил Пронтоний. – Ты знаешь, в походах как-то не до чтения. Перед боем – разработка стратегии и тактики сражения. В промежутках между боями у военачальника слишком много хлопот по обустройству и бытовым мелочам лагеря, учениям для выработки слаженности и автоматизма действия когорт¹⁴ и так далее.

– Я тебе настоятельно советую найти время и прочитать. Не только захватывает, не только обогащает знаниями, но и даёт богатую пищу для размышлений о будущем Рима. Тацитовы сочинения ценны не только описанием новейшей римской истории, но и тем, что он, придерживаясь чёткой хронологической последовательности, излагает свой взгляд на причинность описываемых событий. В его сочинениях наглядно прослеживается как воля, стремления и желания отдельных личностей стоят у истоков тех или иных событий, произошедших в нашей истории.

Кратоний потянулся к столу, взял кубок с вином и немного отхлебнул.

– Боюсь, что не найду для этого времени, – воспользовался паузой Пронтоний. – Да и мой род занятий влияет на мои читательские предпочтения. Цезареvy¹⁵ «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне» мне гораздо ближе, чем сочинения историков, философов и литераторов.

Кратоний поставил кубок обратно на стол и о чём-то задумался, но тут же, тряхнув головой, отрешился от задумчивости, и оживлённо продолжил:

¹¹ Бог виноделия.

¹² Вольноотпущенники – бывшие рабы, либо освобождённые хозяином за многолетнюю преданную службу, либо купившие свободу за деньги.

¹³ Древнеримский историк и литератор.

¹⁴ В каждом легионе было 10 когорт.

¹⁵ Древнеримский государственный и политический деятель, диктатор, писатель.

– Войны всегда были лишь следствием тех процессов, которые происходят в обществе. Вы, военные, считаете, что ваш ратный труд вы совершаете во имя Рима. Но есть ли смысл в том, чтобы во имя Рима делать что-то, если в конечном итоге Рим рухнет и исчезнет всё то, к чему мы привыкли? Риму следует остановиться в своих территориальных притязаниях и заняться совершенствованием общественных отношений на тех территориях, которые у нас уже есть.

Пронтоний удивлённо посмотрел на собеседника и спросил:

– Подобные советы ты даёшь и императору?

– Да. Но, конечно, не в столь категоричной форме. Галлиен, кстати, тоже поклонник Тацита, – Кратоний иронически усмехнулся. – Но лишь только в той части его трудов, где Тацит признаёт неизбежность исторического развития от республики к империи. Кумир императора – Август¹⁶. Он восторгается тем, как Август восстановил мир и порядок после хаоса республики. Правда, император считает само собой разумеющимся то, что Август, восстановив империю, не восстановил древних свобод и добродетельных нравов.

– Ну, я тоже считаю, что обществу полезнее, когда оно построено на основе единовластия. Дай сенату неограниченную власть, и они погрязнут в бесконечных склоках, что, когда и как надо делать. Это как в армии: представь себе, что легионами командуют сразу несколько человек. Такая армия заранее обречена на поражение... – начал высказывать свою точку зрения Пронтоний.

– Чтобы изменить своё мнение, почитай у Светония Транквиллия¹⁷ о временах Тиберия, Калигулы, Нерона, – перебил его Кратоний. – С какой стороны ни посмотри на них – картина получается неприглядная. Я согласен с Тацитом, что именно эта троица заложила личным примером тот упадок нравов, который царит сейчас в нашем обществе. Рим гниёт и разлагается. Государство – есть форма организации совместного существования людей, когда они распределяют между собой обязанности по труду и управлению. И, когда та часть общества, которой негласным общественным договором предписана обязанность управлять, выше этой обязанности ставит ненасытное желание получать извращённые удовольствия и пребывать в перманентной праздности, государство гибнет...

– И что же тогда? – Пронтоний не счёл бесцеремонным перебить Кратония, так как тот перебил его первым.

– В других своих сочинениях Тацит немало уделяет внимания описанию жизни германских племён, их нравов и обычаев, противопоставляет их «первобытные» нравы развращённому Риму. Мне кажется, что те, кто разрушит Рим, придут оттуда, – Кратоний тяжело вздохнул. Его ораторский дискуссионный задор разом окончился, и он устало откинулся на подушки.

Пронтоний счёл, что наступил момент, когда он удовлетворил интерес хозяина к своей персоне в достаточной мере.

– Теперь расскажи мне о том, как живёшь ты. Мне поведали, что ты пользуешься большим влиянием на императора и прославился своей учёностью, – сказал Пронтоний и потянулся за кубком, но прервал своё движение и от растерянности сменил лежачее положение на сидячее.

Кратоний закрыл лицо руками и рыдал. Вся его фигура выражала горе, причём горе такой степени, какой видеть Пронтонию приходилось нечасто, хотя в силу своей профессии с человеческим горем он сталкивался практически ежедневно. Он знал, что мужчины, если их не пытаются, плачут только в одном случае – из-за беды с очень близким человеком.

¹⁶ Первый древнеримский император после времён республики.

¹⁷ Древнеримский писатель, историк, учёный-энциклопедист. Автор работы «Жизнь двенадцати цезарей» в т. ч. Тиберия, Калигулы и Нерона – императоров Рима из династии Юлиев-Клавдиев.

– Прости меня, если я чем-то тебя обидел, – осторожно сказал Пронтоний. – Скажи чем и я постараюсь заслужить прощение.

– Это ты прости меня, мой друг, – Кратоний отнял руки от лица, но из его глаз продолжали литься по щекам слёзы. – Пойдём со мной, и ты поймёшь всё безо всяких слов.

Хмель от выпитых многочисленных кубков вина исчез, но Пронтоний от такой смены эмоционального настроения их ужина, долго не мог попасть ногами в свои солёас.

Они шли довольно долго, и Пронтоний понял, что они миновали практически весь дом. Наконец Кратоний, осторожно открыв дверь ничем не примечательной комнаты, жестом пригласил Пронтония войти в неё.

От увиденного Пронтоний испытал чувство, сопоставимое разве что с сильным ударом по голове.

У окна стояло некое подобие трона, сидением которого была огромная подушка. На этом подобии трона сидел мальчик лет одиннадцати-двенадцати весь обложенный более маленькими подушками. В глаза сразу бросалось, то, что его позвоночник неестественно искривлён. Из спинки «трона», перпендикулярно ей, торчали две деревянные рейки, перевязанные скрученной в жгут мягкой тканью. Между рейками находилась голова мальчика, подбородок покоился на этой перевязи.

Увидев Кратония, мальчик жалобно сказал:

– Больно, папа! – и из его глаз по щекам медленно потекли две слезы.

Рабыня, очевидно присматривающая за мальчиком, жестом дала им знак выйти из помещения.

Пронтоний почувствовал, как что-то сдавившее ему горло лишило его возможности управлять своим голосом. Только когда они вошли обратно в триклиний, способность говорить отчасти вернулась к нему, и он непохожим на свой голосом спросил:

– Неужели это Геримон, которого ты гордый наследником вздымал к небесам¹⁸? Тот Геримон, которого я держал на руках, когда ему исполнился один год? И что с ним случилось?

– Да – это Геримон. В таком состоянии мальчик находится уже без малого два года. Он не может ни ходить, ни стоять. Голова его не держится и клонится книзу самым неестественным образом, – Кратоний снова зарыдал. – Скажи, Пронтоний, как мне жить с этим? О, боги, как это страшно! Временами мне кажется, что я оказал бы ему милосердие, убив его. Это страшно!.. Так страшно!..

Только для того, чтобы предотвратить явно надвигающуюся истерику Пронтоний задал вопрос, ответом на который было состояние мальчика.

– А что говорят лекари?

– Знаешь, я всё больше убеждаюсь в том, что все лекари просто шарлатаны, – немного успокаиваясь от охватившей его злости, ответил Кратоний. – Геримона осматривали все лучшие лекари, которые известны в империи. Не помог никто... Не смогли помочь...

– А знаком ли ты с моим младшим братом, Кратоний?

От резкой смены темы разговора Кратоний опешил и смог лишь удивлённо посмотреть на Пронтония.

Отвечая на немой вопрос, Пронтоний сказал:

– Дай мне сейчас слово принять приглашение к ужину в доме моего старшего брата на завтрашний день. Я хочу познакомить тебя с моим младшим братом.

Отчаянию в душе человека всегда сопутствует надежда, и Кратоний почему-то почувствовал надежду в этом приглашении. Объяснить самому себе, в чём может заключаться эта надежда и надежда на что, он не смог. Умоляя взглядом, он жалобно попросил Пронтония:

¹⁸ Когда мужчина-римлянин первый раз видел своего ребёнка, в знак признания его своим наследником он должен был взять ребёнка в руки и поднять вверх.

– Скажи мне, что знаешь, чем помочь моему мальчику!

Пронтоний лишь выжидающе смотрел на него, и Кратоний не в силах вымолвить ни слова от вновь охватившего отчаяния лишь поднял вверх правую руку в знак того, что он принимает приглашение. Не прощаясь, Кратоний вышел из триклиния, предоставив Пронтония заботам рабов. Пронтоний невежливости в этом не усмотрел. Понимая состояние хозяина дома, он лишь горестно покачал головой и дал знак рабыням одевать его в тогу. Потом он громко командовал рабам подать обувь «Солеас порцере!», что в Риме было аналогом понятия «Пора уходить».

Глава 2

Ужин в Риме летом начинался в два часа дня, после того, как римляне возвращались из термальных бань. Кратоний еле дождался положенного времени и прибыл в дом старшего брата Пронтона сразу после наступления двух часов дня. Он интуитивно чувствовал, что Пронтоний не зря пригласил его на ужин сразу после того, как увидел Геримона.

После омовения ног и смены обуви Кратоний быстро прошёл в атрий¹⁹, где его ждал Пронтоний и повёл в триклиний. В триклинии их ожидал старший брат Пронтона, который приветствовал гостя и, после переодевания в синтесис и мытья рук, приглашающе указал на ложа.

– А где же твой младший брат, Пронтоний? – нетерпеливо воскликнул Кратоний. – Разве его ты не пригласил на ужин?

Братья понимающе переглянулись между собой, и Пронтоний успокаивающе ответил:

– Он обязательно придёт, и ты его увидишь. А пока приляг на ложе и давай отведаем угощений хозяина дома.

Пронтоний пытался вовлечь гостя в продолжение их вчерашнего разговора о настоящем и будущем Рима, но удалось ему это лишь после третьей чаши вина и первой смены блюд. Алкоголь помог истерзанному горестными мыслями сознанию Кратония обрести равновесие, он постепенно оттаял и втянулся в разговор.

Младший брат Пронтона пришёл после второй смены блюд их трапезы. Как только он вошёл в триклиний, Пронтоний привстал на ложе и сказал:

– Знакомься, Кратоний, это наш младший брат Прокул. Он тоже был также болен, как и твой сын, но его исцелил христианский священник.

Хмель покинул Кратония мгновенно. Он вскочил с ложа и недоверчиво смотрел на Прокула. Юноше было лет восемнадцать-двадцать, он был довольно высок ростом, обладал крепко сбитой фигурой, а на его лице играл румянец совершенно здорового человека. В знак приветствия юноша слегка склонил голову и прижал обе руки к груди. После этого он повернулся к рабыне державшей тазик с водой и тщательно вымыл руки.

– Спасибо, Лигия, – поблагодарил он рабыню. Вытерев руки полотенцем, которое подала ему другая рабыня, он поблагодарил и её, также назвав по имени.

«Благодарить рабов!» – мелькнула было в сознании Кратония мысль, но она тут же затерялась в вихре других мыслей.

– Если ты пошутил надо мной, Пронтоний, то твоя шутка – оскорбительное глумление над человеческим горем. Если же ты сказал правду... – гневное выражение лица Кратония сменилось растерянным. Не в силах продолжать от спазма, сжавшего, словно клещами, его горло, он лишь развёл руки в стороны.

Прокул подошёл к Кратонию, мягко и одновременно настойчиво усадил его на ложе.

– Брат не обманул вас, учёнейший. Несколько лет назад я не мог ни передвигаться, ни держать голову так, чтобы она не клонилась книзу. *Жить мне было больно!* А посмотрите на меня сейчас! – Прокул отошёл от Кратония, давая тому возможность рассмотреть себя.

– Но-о-о... – забормотал Кратоний не в силах продолжать от охватившего его волнения, хотя вопрос, который он хотел задать, совершенно явно читался в его взгляде.

– Меня излечила вера в истинного Бога и человек, научивший меня этой вере, – ответил Прокул на этот немой вопрос.

– Где мне найти этого человека. Я готов заплатить любые деньги за то, чтобы он вылечил моего сына, – нетерпеливо воскликнул Кратоний.

¹⁹ Средняя часть дома в Древнем Риме.

– Деньги не интересуют его, – мягко остановил его Прокул. – Он помогает всем бескорыстно во имя Отца, Сына и Святого Духа.

– Ты... ты... ты христианин? – испуганно произнёс Кратоний. Далеко не все римляне понимали христиан. Принять идею одного бога для римлянина в то время было кощунством. Как один единственный бог может уследить за всем и всеми?

– Да, учёнейший, я христианин и горд тем, что смог отказаться от поклонения богам-идолам! – то, как это произнёс Прокул, та абсолютная вера в свою правоту, которую излучал его взгляд, поразили Кратония настолько, что он не нашёлся с ответом и сидел на ложе, во все глаза глядя на юношу.

– Давай дадим возможность Прокулу насытиться, а потом он отведёт нас к своему учителю, – мягко сказал Пронтоний, обратившись к Кратонию.

За всё время пока Прокул ел, за столом не было произнесено ни единого слова. Пронтоний со своим старшим братом изредка перебрасывались понимающими взглядами, а Кратоний сидел, устремив взгляд куда-то сквозь стену, и на лице его сменяли друг друга то скорбь, то удивление, то надежда.

Когда Прокул встал с ложа и опустил руки в таз для омовения, который ему сразу же заботливо поднесла рабыня, Кратоний вскинулся:

– А примет ли нас твой учитель, если он способен творить такие чудеса?

– Учитель способен на многое, но ему чужда гордыня. Гордыня в Христианстве считается одним из самых главных грехов, – со снисходительностью человека, которому открыто больше чем остальным, и, одновременно мягко и успокаивающе, ответил Прокул. – Перед Богом равны все и Учитель не делает между людьми никаких различий на основании их имущественного или общественного положения, – заметив, что Кратоний собирается что-то сказать, Прокул продолжил уже более твёрдым тоном. – Такова наша вера, и должен предупредить, что в сложных случаях Учитель в силах помочь только тому, кто искренне её примет.

Сесть в лектику Прокул наотрез отказался. Пронтоний из солидарности с ним тоже решил идти пешком, несмотря на попытки старшего брата доказать ему неприличие подобного передвижения по городу для благородного человека. Кратоний от нетерпения увидеть человека, который, возможно, облегчит участь его сына, а, может быть, и излечит от недуга полностью, готов был преодолеть путь до встречи с ним любым, желательнее всего самым быстрым способом. И они отправились в путь пешком.

Идти пришлось довольно долго. Они уже практически миновали окраину Рима, когда Прокул остановился у неказистого на вид одноэтажного здания, у которого стояла лектика и восемь рабов носильщиков, и трижды постучал в дверь.

Когда дверь раскрылась, оттуда выглянул юноша-ровесник Прокула. Взгляд его мгновенно стал настороженным, когда он увидел двух, судя по одеждам, важных римлян. Взгляд его стал испуганным, когда он отметил для себя воинские тунику, калиги Пронтония и меч, висевший в ножнах на поясе.

– Всё в порядке, Эфинус, эти люди пришли к Учителю не со злым умыслом, – успокоил этого юношу Прокул.

В помещении, куда они вошли было достаточно светло: свет лился из отверстия в крыше, предназначенного помимо освещения и для сбора дождевой воды в импловий – небольшой бассейн в полу. Помещение было довольно большим, потолки – высокими, но Кратония поразила большая картина, написанная масляными красками прямо на стене.

На ней был изображён молодой мужчина с длинными спускающимися на плечи русыми волосами и такой же бородой, одетый в розовую тунику с наброшенным на неё голубым плащом, несущий на плече овцу²⁰. Внимание сразу приковывали его глаза: казалось, что этот

²⁰ Икон в те времена ещё не было и Христа чаще всего изображали на картинах, несущим на плечах заблудшую овцу.

взгляд проникает в самые затаённые уголки души; что изображённый на картине человек знает всё, что было, есть и будет и готов использовать это знание во благо людям. Кратоний поразился мастерству художника, сумевшему передать зрителю одной лишь кистью такой сложный эмоциональный посыл. Римляне были большими ценителями искусств, и Кратоний, как один из самых учёнейших из них, не был исключением.

С трудом оторвавшись от созерцания картины, Кратоний осмотрелся. Эфинус оставил гостей на попечение Прокула и занялся смешиванием каких-то растворов на большом столе в углу помещения. Пронтоний, подойдя к картине на стене, с интересом её рассматривал. Прокул прошёл в боковую комнату, и недолго пробыв в ней, вышел и сообщил, указав на человека в богатых одеждах с сильно отекавшей щекой, сидевшего на лавке у этой комнаты:

– Учитель примет нас, как только окажет помощь этому человеку.

Через некоторое время, когда человек с отёкшей щекой, вошёл в боковую комнату, оттуда раздался вопль боли, но сразу всё стихло.

Кратония бросило в жар. «Уж не занимается ли этот пресловутый учитель колдовством?»

Едва только у него мелькнула эта мысль, как из двери вышел человек, щека которого уже была значительно менее опухшей, а вид не таким страдальческим. Следом за ним шёл молодой мужчина лет тридцати с длинными чёрными волосами, но во всём остальном поразительно похожий на человека, изображённого на картине. Главное, что бросалось в глаза в его облике, – это редкое сочетание достоинства и непринуждённой простоты, которым обладают немногие. Он был высок, безупречно сложен, во всех его жестах чувствовалась уверенность в себе. Сходство с человеком, изображённым на картине, усиливал пронзительный взгляд карих глаз, казалось, что в нём тоже было знание всего того, что было, что есть и что будет.

– Возьмите же хоть на этот раз деньги, отче. Мне право стыдно в очередной раз обращаться к вам за помощью ничего не оставив в знак благодарности, – речь из-за опухшей щеки была нечёткой, но в ней чувствовалась натуральная искренность.

– Я уже говорил вам, сенатор, что мой Бог тут же лишит меня способности к врачеванию, если я стану делать это за деньги. Возьмите на память свой зуб, как видите, он совершенно разрушен костным гниением, которое перешло на десну и вызвало опухоль. Рекомендую вам утром и вечером полоскать рот настоем ромашки, который сейчас вам даст Эфинус, – так ваши зубы прослужат вам дольше. А деньги, сколько считаете нужным, отдайте Эфинусу на нужды нашей общины.

Кратоний поразился услышанному: все лекари, с которыми он до сих пор имел дело, прежде всего, заводили разговор о деньгах и стремились взять с него как можно больше.

Прокул собрался представить учителю пришедших, но тот жестом остановил его и, приветственно поклонившись Пронтонию, подошёл к Кратонию.

– Дайте мне вашу руку, – требовательно сказал он и Кратоний тут же подчинился. Когда его рука очутилась в руке Учителя, он ощутил быстро прошедшее лёгкое покалывание. Учитель полуприкрыл глаза, и замер, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя самого. Постояв так недолго, он заговорил:

– Я много слышал о вас, уважаемый Кратоний. Своей учёностью вы снискали себе в Риме заслуженное уважение и известность. Я был бы вам чрезвычайно благодарен, если бы вы дали мне переписать трактат «Прогностика», написанный Победителем чумы²¹, который вы сейчас переводите для императорской библиотеки. Но это после... После излечения вашего сына. К сожалению, его болезнь такова, что мне одному с ней не справиться – у меня просто не хватит на это духовной энергии.

От последних слов Кратоний окаменел, но Учитель, почувствовав изменение его состояния, успокоил:

²¹ Гиппократ – древнегреческий доктор, философ, реформатор античной медицины.

– Болезнь вашего сына из разряда тех, что не лечится травами, ножом для пускания крови или уколами золотых игл в жизненно важных местах. Она лечится только целенаправленным духовным воздействием и здесь усилий одного человека недостаточно. Прокул может подтвердить вам, что вместе со мной за его исцеление, молились его отец и мать, Царствие им Небесное, – Учитель, Прокул и Эфинус при этих словах правой рукой сделали жест, словно изображая перед лицом и грудью крест.

Учитель продолжил:

– Вам придётся принять Христианство, совершить таинство Крещения и молиться вместе со мной за исцеление вашего сына. Иначе я вам помочь ничем не смогу. А я в помощи не имею права отказать даже представителю власти, которая преследует моих единоверцев, как бешеных собак. В моей безотказности вы только что имели возможность убедиться.

Кратоний едва успел подумать про себя, что ради здоровья своего сына готов поверить во что угодно и сделать что угодно, если это поможет, как Учитель распорядился:

– Прокул и Эфинус, приготовьте всё, что нам будет нужно для проживания в доме Кратония и для Крещения мальчика и его родителей. Сюда мальчика перевозить нельзя. Отправляемся туда прямо сейчас – болезнь прогрессирует и приближается к критической точке, из которой нет возврата назад. Аполлоний ушёл собирать травы, оставьте ему послание и с помощью Кратония подробно напишите ему, как нас найти.

После этого учитель перевернул ладонь Кратония в положение для рукопожатия и, пожав ему руку, сказал:

– Зовите меня Валентин!

Глава 3

Валентину и его помощникам-ученикам отвели комнату рядом с комнатой Геримона. Валентин отказался есть, сославшись на то, что надо спешить и немедленно приступил к процедуре Крещения мальчика.

Пока Эфинус укрепил в правом от кресла мальчика углу, доску, на которой масляными красками был изображён Христос, несший на себе заблудшую овцу, Валентин объяснил Кратонию, что Крещение – есть духовное рождение человека для таинственной жизни с Богом, которое происходит лишь однажды. В таинстве Крещения человеку даётся благодать Святого Духа, помогающего ему обогащаться духовно, укрепляться в любви к Богу и ближним, и право на ответную любовь Бога, если он того заслуживает.

После этого в комнате мальчика с ним остались только Валентин, Прокул и Эфинус.

Поскольку родители мальчика ещё не прошли таинства Крещения, крестить его решили по вере крёстного отца – эту ответственность взял на себя Прокул. Таинство крещения длилось более двух клепс²², лишь по истечении этого времени Валентин разрешил войти в комнату Геримона его родителям.

У Кратония от боли сжалось сердце, когда он увидел сына с мокрыми волосами и с наде-тым через голову белым одеянием. Он с ужасом представил, как мучился мальчик, когда на него натягивали это белое одеяние, но вдруг обратил внимание на то, что во взгляде сына появилась умиротворённость, и он впервые за долгое время не встретил его ставшей уже традиционной фразой: «Папа, больно!» Сын сидел молча, взгляд его был осмысленным и устремлён на пламя свечи, которую держал в руках Прокул.

Не мешкая, Валентин стал разъяснять Кратонию и его жене – Цецилии – всё, что им необходимо делать в ходе таинства Крещения. Крёстным отцом Кратония согласился стать Эфинус, а крёстной матерью Цецилии – рабыня Лигия, которую по просьбе Валентина привёл Пронтий из дома своего брата.

Кратоний выполнял всё необходимое механически. На втором уровне его сознания всё время крутилась мысль о благоприятной перемене, произошедшей с сыном после Крещения, и параллельно ей крепла уверенность, что Бог христиан способен творить чудеса. Он хотел верить в такого Бога, он готов был служить ему всю жизнь. Кратоний машинально дёрнулся, когда Валентин окропил его голову водой и произнёс: «Во имя Отца...» Дальше Кратоний стоял спокойно до заключительных слов таинства, произнесённых Валентином: «Все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись».

Позже, обсуждая с женой свои чувства, он признался ей, что после этих слов ощутил себя малой, но важной частицей чего-то огромного и чрезвычайно важного, могущественного и в то же время доброго.

Сразу после окончания таинства Крещения Валентин приказал поднять мальчика из кресла. Положив на пол мягкую подушку, и поставив небольшой табурет, Валентин расположил Геримона так, что тот коленями опирался на подушку, а грудь лежала на табурете. После этого Валентин приказал всем остальным покинуть комнату Геримона, молиться за исцеление мальчика и не входить в комнату, что бы ни случилось до рассвета.

– Молись вместе со мной Геримон, просто повторяй то, что говорю я, – услышал Кратоний, покидая комнату сына голос Валентина.

Кратоний замешкался и оглянулся. Тело мальчика недвижимым кулём лежало на табуретке, а голова уродливо дёргалась в попытках смотреть на доску с изображением Христа и повторять вслед за Валентином слова молитвы. От этой жуткой картины Кратоний едва

²² Каждый час у римлян и греков делился на три клепсы, вследствие чего водяные часы назывались клепсидрами.

не потерял сознание, но тут Цецилия сильно потянула его за руку и вывела из комнаты сына, осторожно, но плотно прикрыв за собой дверь.

Молиться они расположились в соседней комнате. Прокул укрепил в углу комнаты ещё одну доску с изображением Христа, а Эфинус достал из большого деревянного цилиндра пергаментные свитки с молитвами. Пронтоний в ходе всех этих приготовлений ощутил себя лишним и незаметно удалился в одну из соседних комнат: он не чувствовал себя готовым принять новую веру.

Прокул читал молитвы, а остальные повторяли за ним слова. Вскоре к ним присоединился Аполлоний.

Повторяя слова молитвы за Прокулом, Кратоний с удивлением отметил про себя, что с того момента, когда покинул дом старшего брата Пронтония, ничего не ел, и есть ему не хочется.

Ближе к полуночи монотонное чтение молитв, стояние на коленях, испарения от плавящегося воска свечей утомили Кратония. Боковым зрением он посмотрел на остальных: Цецилия тоже заметно устала, Лигия повторяла слова молитвы полуприкрыв глаза, лица Эфинуса и Аполлония были бледными и лишь Прокул по-прежнему твердо и чётко произносил слова молитвы и никаких признаков усталости не проявлял.

За четверть клепсы до полуночи в комнате, где они молились, что-то стало меняться. Кратонию показалось, что воздух в комнате стал густым, закружилась голова, пламя свечей стало наклоняться в противоположную сторону от комнаты, в которой остались мальчик и Валентин, несмотря на то, что никаких сквозняков в комнате не было.

Невидимыми волнами от комнаты мальчика постепенно, но быстро наползало что-то мощное, что Кратоний неосознанно определил, как Сила. Это невидимое давление медленно нарастало...

Валентин тоже ощутил невидимое давление и отметил про себя странное изменение положения пламени свечей, но молиться не прекратил. По-прежнему глядя на изображённого на доске Христа, Валентин отметил в себе ощущение того, что комната наполнилась невидимыми мощью и энергией, которые слились в единый поток с энергией его желания исцелить мальчика. Ему стало страшно, но это чувство ему уже было знакомо: когда он молился за исцеление Прокула, у него тоже возникало чувство страха. Он уже знал, что страх быстро пройдёт. И действительно, страх через непродолжительное время исчез, словно был грузом, висящим на нити, и её кто-то обрубил острым мечём.

Не прекращая молиться, Валентин скосил глаза на Геримона. Мальчик сполз с табурета, на который опирался грудью и, корчась на полу, негромко повизгивал от боли. Валентину показалось, что над мальчиком нависло почти полностью прозрачное небольшое облако, но утверждать это наверно он бы не стал, так как пламя свечей стало медленно распрямляться из-за чего обстановка в комнате меняла чёткость.

Не зрением, а скорее интуитивно, Валентин «увидел» как облако вошло в Геримона. С телом мальчика стали происходить странные трансформации, и он страшно закричал. В этот момент Валентин потерял сознание и упал на пол, ударившись правым плечом о стену...

Кратоний прекратил молиться и с ужасом смотрел на пламя свечей, которое склонилось почти параллельно полу. При этом горение всех свечей было ровным, без каких-либо колебаний. Нарастание Силы, идущей от стены комнаты, где находились Геримон и Валентин, почти достигло предела человеческого терпения, и Кратоний ощутил себя сосудом, сверху донизу наполненным Ужасом. Но вот это ощущение мгновенно исчезло.

Кратоний осмотрелся и убедился, что все остальные испытали то же самое. Он прислушался к происходящему в соседней комнате. Оттуда очень приглушённо доносился голос Валентина, читающего молитвы. Услышав страшный крик сына, Кратоний попытался вско-

чить, но на него внезапно нахлынула такая слабость, что он, стоявший на коленях, повалился набок и мгновенно уснул...

Валентин очнулся и сразу вспомнил всё, что произошло. Опираясь на пол, он попытался встать, но снова упал от сильной боли в правом плече, которым он ударился о стену. Тогда он сел и осмотрел комнату – свечи догорели уже почти до основания.

Сквозь толстое нешлифованное оконное стекло в комнату пробивался свет. Геримон лежал у табуретки. Валентин с трудом поднялся, опираясь о пол левой рукой, и на коленях приблизился к Геримону. Мальчик был без сознания, но лицо его уже не было бледным, голова лежала на полу совершенно естественным образом, а тело не было искривлённым.

Левой рукой Валентин стал тормошить Геримона за плечо, от волнения громко выкрикивая его имя. Мальчик открыл глаза и некоторое время смотрел на Валентина молча, вспоминая всё, что с ним произошло...

Кратония разбудил Пронтоний. Услышав крик Геримона, Пронтоний тут же бросился к комнате, где молились Кратоний и все остальные. Обнаружив их всех уснувшими и лежащими на полу, он приказал рабам перенести их оттуда и уложить на кровати. Искушение посмотреть, что с Валентином и Геримонем он не без труда, но поборол – как военный он знал, что такое приказ, а Валентин приказал не входить в комнату до наступления рассвета.

– Уже наступил рассвет, Кратоний, – Пронтонию оказалось достаточно только легко дотронуться до плеча, и Кратоний сразу вскочил с кровати.

Вспомнив всё, что произошло, Кратоний побежал к комнате, где они вчера оставили Валентина с Геримонем, но по мере приближения к этой комнате, шаги его замедлялись, и Пронтонию удалось его догнать.

Пройдя ещё несколько шагов, Кратоний остановился.

– Что я увижу там? – спросил он, обернувшись к Пронтонию. В его голосе одновременно звучали надежда и страх.

Ответить Пронтоний не успел: их догнали Прокул, Эфинус и Аполлоний. Следом за ними спешили Цецилия и Лигия., а за ними толпой шли домашние рабы. Пока мужчины обменялись приветствиями, Цецилия растолкала всех и побежала.

Когда она собралась толкнуть дверь в комнату, где оставались Валентин и Геримон, дверь распахнулась сама и она едва не упала на сына, который вёл Валентина, поддерживая того под руку.

Лицо Валентина было почти белым от залившей его бледности, выглядел он донельзя уставшим и шёл, едва передвигая ноги. Увидев мать, Геримон остановился. Он собрался что-то сказать матери, но она, рухнув на колени, схватила Валентина за правую руку и стала её целовать, бормоча слова благодарности.

Валентин вскрикнул от боли и его тут же подхватили Прокул и Эфинус. Вокруг них, забегая то с одной, то с другой стороны суетился Аполлоний в попытках каким-либо образом принести пользу.

– Нам это удалось, и благодарить надо не меня, а Господа, – слабо прошептал Валентин. – И не будите меня, пока я не проснусь сам.

Прокул и Эфинус увели Валентина в отведенную им комнату. Геримон, когда взгляды всех сошлись на нём, смущённо развёл руки в стороны, и глядя на Кратония сказал:

– Я здоров, мама!

Его оговорка вызвала смех. Смеялись все, в том числе и сам Геримон, смеялись до изнеможения, до появления слёз. Этот смех напомнил Пронтонию то, как иногда смеются солдаты, когда убит последний враг и достигнута победа.

«Видимо, так легче всего сбросить страшное напряжение», – подумал он.

Глава 4

Кратоний был очень известным и популярным человеком в Риме. К нему обращались за советом, консультацией, рекомендациями по многим вопросам. К высказанным им соображениям прислушивался император Галлиен и Кратоний входил в число государственных сановников, присутствие которых на больших императорских советах было обязательным.

Его известность у одних вызывала уважение. Другие же, завидуя его влиянию на императора, не упускали случая подвергнуть сомнению его учёность, компетентность, порядочность и преданность интересам империи.

К личной жизни известных людей, не наделённые интеллектом и, следовательно, самодостаточностью, индивидуумы, а таковых в любом обществе хватает в избытке, всегда проявляют нездоровый интерес.

О болезни сына Кратония в Риме знали многие. Поэтому, в тот же день, когда родители впервые увидели его исцелённым, в термах²³ началось обсуждение того, что произошло в доме Кратония.

Началось обсуждение с фактов, которые действительно имели место быть.

Один из знатных римлян, чей дом соседствовал с домом Кратония, поведал о том, что его рабыня, дружившая с рабыней Кратония, рассказала ему следующее. Отчаявшийся Кратоний пригласил для исцеления сына христианского колдуна, который закрылся с мальчиком в комнате. Остальные в соседней комнате вслух читали христианские заклинания. К утру, мальчик вышел из комнаты исцелённым, ведя под руку обессиленного колдуна.

Позднее обсуждение переместилось на Форум²⁴. Другой сосед Кратония, сообщил, что его рабы, со слов рабов Кратония, поведали ему о том, что «колдун истязал мальчика так, что крики от боли были слышны на всю округу».

Как водится в таких случаях, к окончанию третьего дня с момента появления мальчика исцелившимся перед родителями и рабами Кратония, версия произошедшего обросла такими подробностями, что совершенно не соответствовала произошедшему на самом деле и выглядела следующим образом.

Кратоний, разуверившись в способностях «этих мошенников лекарей», от отчаяния пригласил для лечения сына христианского колдуна. Христианин при отправлении своих колдовских обрядов допустил настолько неприемлемые вещи, что вызвал гнев самого Юпитера, и тот поразил христианина молнией». Затем Юпитер, сжалившись над мальчиком, исцелил его.

В том, что произошло дальше, рассказчики расходились во мнениях. Одни «своими глазами» видели обугленное тело колдуна, которое выносили из дома рабы. Другие утверждали, что «от христианина осталась кучка пепла». Третьи, опять-таки, «своими глазами», видели, как единомысленно вели под руки колдуна «всего в страшных язвах от ожогов».

Деятельность христиан, постоянный и быстрый рост числа сторонников христианства очень беспокоили жрецов храмов римских богов, а храмов в Риме было много – Сатурна, Весты, Венеры и Ромы, Венеры Клоакины, Юпитера Капитолийского, Марса, Геркулеса, Фортуны, Диоскуров или Кастора и Полукса, Меркурия, Юноны Монеты, Януса, Исиды Кампейской, Конкордии или храм Согласия, обожествлённых после смерти Цезаря, Антонина и Фаустины, Веспасиана и Тета и это не полный перечень. Сюда же следует добавить бесчисленное множество более мелких святилищ. При храмах и святилищах зарабатывали на хлеб насущный торговцы жертвенными животными, ремесленники, изготавливающие изображения богов и дру-

²³ Термальные бани.

²⁴ Центральная площадь Рима, одновременно центр общественной жизни и ежедневного общения римлян.

гие «священные» предметы. Все эти заинтересованные лица понимали, что рост популярности христианства ведёт к уменьшению количества прихожан, а, соответственно, и доходов.

Религиозная верхушка Рима имела в империи огромную власть. Каждый из храмов возглавлял верховный жрец – понтифик. Все важные вопросы, имеющие отношение к религии, а имеющей отношение к религии при желании можно назвать любую область человеческой деятельности, решал совет понтификов. Совет возглавлял Верховный Понтифик. Со времён Августа Верховным Понтификом неизменно избирали императора.

Первым сообразил, как использовать в выгодных для себя целях обывательскую версию исцеления сына Кратония, верховный жрец храма Юпитера, расположенного на Капитолийском холме²⁵. Он не без оснований считал себя первым после Великого Понтифика, так как многие официальные церемонии проходили именно на Капитолийском холме в храме Юпитера, здесь же чествовали триумфаторов, то есть полководцев, обеспечивших Риму победу в чрезвычайно важных сражениях. С учётом же того, что наступили времена, когда императоры очень часто менялись, он и вовсе считался верховными жрецами других храмов некой руководящей константой, неподвластной капризам политики и борьбы за власть. Верховная жрица храма Весты как-то охарактеризовала его, как человека, «который желает иметь сразу и медведя и его шкуру» и добавила – «амбициозен, хитёр, вероломен, изобретателен и нагл. Любит власть, любит деньги, любит себя. Всё остальное для него значения не имеет».

Подготовив соответствующим образом своих коллег, понтифик храма Юпитера решительно потребовал от Галлиена прекратить деятельность христиан в империи, как несущую угрозу основам её существования, поскольку христиане пропагандируют равенство рабов с гражданами Рима. «Даже боги подают нам знаки, поражая христиан молнией», – патетически закончил он свою гневную речь на совете, намекая на происшествие в доме Кратония. Коллеги из других храмов поддержали его единодушно и потребовали от императора «уничтожения всех христиан, которые есть в Риме».

Галлиен, как только ему доложили о происшествии в доме Кратония, немедленно вызвал того к себе и имел с ним продолжительную беседу. То, что Кратоний решительно стал на защиту христианского священника и признался Галлиену в том, что принял христианство, заставило императора серьёзно задуматься. Отрицать сам факт исцеления было невозможно и то обстоятельство, что один из самых просвещённых людей в империи, советам которого он привык доверять безоговорочно, сам стал христианином, подтверждали реальную силу христианской религии.

Симпатизируя Кратонию, Галлиен попытался проигнорировать прозрачный намёк на получившую стараниями жрецов негативную окраску у большинства римлян историю с исцелением попыткой повернуть ход обсуждения в другую сторону: «Все мы знаем способность племса на пустом месте рождать из ничего небылицы. Давайте лучше сосредоточимся на...» Понтифик храма Юпитера заранее учёл авторитет, которым пользуется Кратоний у императора, поэтому подобный поворот событий предвидел и принял соответствующие меры. Императорское «сосредоточимся на...» перебил сдержанный ропот жрецов.

То понятие, которое мы вкладываем в слово «власть», как и решительно всё остальное в жизни, подчинено действию закона единства и борьбы противоположностей. Имея, казалось бы, неограниченные полномочия, любой властитель должен поступать только так, как диктуют ему принципы осуществления властных функций, не признающие личных симпатий или антипатий, если вопрос стоит в плоскости «быть ему самому или не быть?».

Галлиен, как соправитель своего отца, тем не менее, стал императором не без определённых трудностей. До сих пор в империи было предостаточно людей, подвергающих его

²⁵ Рим расположен на семи холмах, имеющих названия Авентин, Виминал, Капитолий, Квиринал, Палатин, Целий, Эсквилин.

право на императорскую власть сомнению. Да и в наследство ему досталась империя далеко не в образцовом состоянии.

Бунтовали, объявляя себя самостоятельными, дальние провинции. Шло брожение в армейских легионах – чувствуя нестабильность власти, некоторые военачальники, искушаемые примером Септимия Севера²⁶ и других «солдатских императоров», честолюбиво терзались вопросом: «А чем я хуже?» Активность алеманов и франков на западе фактически была агрессией, и давно уже было пора признать её военными действиями против империи. На востоке империи не давали покоя готы и персы. И в основе всего этого лежала катастрофическая нехватка средств для укрепления власти.

Лишившись в таких условиях поддержки жрецов, Галлиен фактически приговорил бы сам себя к неминуемой потере власти. Понтифик храма Юпитера всё это учитывал и не сомневался в том, что император примет нужное ему решение.

Галлиен надолго задумался. При этом он машинально гладил ручку железного ножа – отличительный знак Верховного Понтифика. Как опытный психолог, понтифик храма Юпитера заподозрил в этом машинальном действии императора намерение поступить вопреки воле жрецов. В нём стал закипать гнев, но услышав ответ императора он тут же успокоился.

– Среди христиан есть граждане Рима, а закон даже императору и сенату запрещает приговаривать их к смертной казни без серьезных оснований, – сказал Галлиен, сделав последнюю попытку обойтись без кровопролития.

«Ну, за серьезными основаниями дело не станет, – подумал понтифик храма Юпитера. – И так действительно будет лучше. Если подлость облечь в одеяние законности, то со стороны она будет смотреться не как подлость, а как действие, обусловленное необходимостью. Может быть, император умнее, чем я о нём думаю?».

Не зря другие жрецы безоговорочно признавали авторитет понтифика храма Юпитера и считали не столько главнее императора, как Верховного Понтифика, сколько важнее его.

Более года назад по просьбе понтифика храма Юпитера, один из самых ревностных прихожан – наместник императора в Иудее, человек, обладающий несметными богатствами, – всегда во время своих приездов в Рим делавший более чем щедрые дары храму, пообещал пятерым своим рабам отпустить их на волю, если они формально примут христианство, будут регулярно сообщать о планах христиан и выполнять другие поручения. Очень скоро они заработали репутацию истинных последователей Христа и соответствующий авторитет у христиан Иудеи. Около полугода назад один из этих шпионов, заручившись письменными свидетельствами приверженности Христианской идее, и изображая из себя жертву начавшихся в Иудее гонений на христиан, тайно прибыл в Рим на купеческом корабле, щедро оплатив проезд деньгами своего хозяина.

Римские христиане приняли его, как надлежит принимать единоверца: его рекомендации были написаны людьми, которые стояли выше всяких подозрений. Как его и инструктировал хозяин, этот раб дал знать о своём прибытии понтифику храма Юпитера. Получив от понтифика условный знак, этот раб прибыл к нему за инструкциями...

Утром Рим буквально содрогнулся от святотатства. Статуи богов у храмов, расположенных на Форуме, подверглись надругательству вандалов. У статуи Ромы – богини-покровительницы Рима – была отбита голова, статуе Цезаря изуродовали лицо, отбив нос и уши. Но самое чудовищное надругательство свершилось в храме Весты, где неизвестные, ворвавшись ночью в храм, избili весталок, обязанных непрерывно поддерживать Священный огонь, и, опрокинув чашу с огнём, пытались погасить его. Рассказывали, что одна из весталок, превозмогая боль от побоев, с трудом доползла до тлеющей тряпки, на которую брызнула капля горящего

²⁶ Один из так называемых «солдатский императоров» – императоров, которых избирала армия.

масла из опрокинутой чаши, и раздувала тлеющую искорку до тех пор, пока огонь не был восстановлен.

Во всех случаях вандалы оставили знак – изображенный чёрной краской крест: у статуй Ромы и Цезаря он был торопливо выведен кистью на постаментах, а в храме Весты его изобразили на дверях. Такой крест не так давно стали использовать христиане, как символ своей веры. Нашлось много свидетелей, видевших вандалов, и утверждавших, что те были одеты в коричневые плащи с капюшонами из грубой шерстяной ткани, которые, как считалось, предпочитают носить христиане, хотя подобные плащи тогда носили отнюдь не только они.

Ввиду особой чрезвычайности происшествия немедленно был собран сенат, принявший решение об аресте всех известных христиан и преданию их главарей смертной казни. Когда решение сената об арестах было исполнено, свидетели среди арестованных сразу опознали шпиона понтифика храма Юпитера, и тот, умоляя сохранить ему жизнь признался, что действовал, выполняя решение христианской общины. Назвать своих сообщников он отказался, мотивируя это тем, что не хочет лишних жертв среди простых исполнителей, и «лишать жизни надо тех, кто принимает решения и отдаёт приказы». Впрочем, сообщников он не мог назвать при всём своём желании, так как их роль исполнили люди, подобранные понтификом храма Юпитера. Как только они явились в условленное место на берегу Тибра получить оговоренную плату, их убили младшие жрецы храма, и, привязав к ногам камни, сбросили тела в воду.

На совете понтификов было решено для успокоения римлян устроить в Колосее²⁷ зрелища: вначале сражения гладиаторов, затем последует травля главарей христиан львами, а в завершение народу на арене будет показано, как христианок будут насиловать быки, кони, ослы и собаки.

– Давненько римляне не видели подобного зрелища. На мой взгляд, отвратительно, но вполне соответствует тяжести совершённого преступления, – пряча цинизм за маской объективности, после безупречной инсценировки длительной нерешительности и внутренней борьбы, одобрил предложение верховной жрицы храма Весты понтифик храма Юпитера.

Галлиен во время заседания совета не проронил ни слова.

²⁷ Современный Колизей – амфитеатр, на арене которого проходили бои гладиаторов, травля хищниками преступников и даже имитация морских сражений.

Глава 5

После срочного вызова к императору и беседы с ним, Кратоний вернулся домой мрачнее тучи. Первым делом он осведомился, не проснулся ли Валентин. Эфинус и Аполлоний уже покинули дом Кратония, сославшись на то, что «в обители ожидает много дел» – дом, где проживали, они почему-то называли «обителью».

Валентин спал уже четвёртые сутки подряд, присматривать за ним в доме остался Прокул. Помогать Прокулу вызвался Геримон. Хотя помогать собственно говоря было не в чем – Прокул сам тяготился бездельем и эта тягость усиливалась тем, что его не оставляла тревога за состояние Валентина.

Сон Валентина был скорее длительным обмороком, чем собственно сном. Прокула успокаивало лишь то, что с лица Валентина сошла та смертельная бледность, с которой он вышел из комнаты Геримона после исцеления мальчика. Дыхание, первоначально какое-то аритмичное, стало ровным, стоны, которые время от времени издавал Валентин прекратились.

Геримон чувствовал себя неловко из-за оказываемого ему повышенного внимания окружающих, поэтому предпочитал общество Прокула, которого расспрашивал об учении Христа, об истории Христианства, о Валентине. По тому, как мальчик задавал вопросы и смотрел на него, спящего, чувствовалось, что его благодарность Валентину за исцеление безгранична.

Кратоний, наблюдавший за сыном, с огромным огорчением начал сознавать, что мальчик последует за Валентином без раздумий хоть в огонь, хоть в воду.

Как учёный, Кратоний, приняв новую веру, сразу решил разобраться в её нюансах. Имея доступ в императорский архив, он разыскал там сочинения христианских публицистов Аристида и Юстина, адресованных императору Антонину Пию с целью объяснить сущность христианских религиозных верований и убедить в клеветническом характере обвинений, возводимых на христиан их идеологическими конкурентами и соперниками. У своих постоянных поставщиков книг он заказал полемические произведения о христианстве Тертуллиана и Киприана, казнённого по приказу отца Галлиена – Валериана.

Читая сейчас Аристида, Кратоний с горечью узнавал в подвижничестве обожании сына, подвижническое обожание Христа своими учениками. Но, размышляя о дальнейшей судьбе сына, Кратоний понимал, что рядом с Валентином мальчик будет далёк от того множества извращённых соблазнов, которыми искушает неопытные подростковые души Рим, сумеет сохранить и развить лучшие человеческие качества.

«Судьба служителя настоящего Бога, гораздо завиднее любой мирской судьбы, так как в этом мире воинствующе торжествуют жадность, зависть и подлость, угнетая честность, благородство и порядочность, – рассуждал про себя Кратоний. – В конце концов, именно Валентин вырвал мальчика из лап смерти, которыми она уже крепко ухватила его, и Валентин теперь имеет, возможно, даже больше прав на мальчика, чем мы, родители. – Эта мысль его возмутила, и он тут же ответил сам себе. – Валентину скорее всего даже в голову не придёт мысль предъявлять какие-то права на мальчика. Это всё глупые проделки сознания отца, делающего выводы на основании одних лишь взглядов ребёнка на человека, рядом с которым он пережил самый страшный момент своей жизни. Это всё глупая отцовская ревность к человеку, вклад которого в судьбу сына оказался не меньшим, чем мой: я дал мальчику жизнь, но оказался не способным поддерживать её должным образом, а Валентин вернул Геримону эту жизнь, когда тот её почти уже потерял. – Отгоняя эти мысли от себя, Кратоний подумал о том, что пусть всё будет так, как решит сам мальчик. – Но как это воспримет Цецилия?»

Валентин проснулся лишь утром пятого дня после исцеления мальчика и так долго не покидал бассейн с тёплой водой, что Цецилия, вместе с рабами хлопотавшая над пригото-

лением блюд, чтобы накормить Валентина, стала переживать, что те из них, которые подают горячими, остынут.

Вошёл в триклиний Валентин освежённым, с аккуратно расчёсанными мокрыми волосами, распространяющий тонкий запах благовоний, которыми его умастили рабы, наперебой старающиеся ему угодить. Столик с едой вместе с рабыней внесла Цецилия и её взгляд, обращённый на Валентина, буквально излучал безграничную материнскую благодарность. Прокул встал с ложа и вместе с Валентином они стали читать молитву-благодарность Богу «за хлеб насущный данный днесь». Для хозяев это оказалось неожиданным, об этой норме христианского поведения они не знали, но сразу стали повторять слова молитвы вслед за Валентином и Прокулом.

Когда приступили к еде, стало видно, как проголодался Валентин.

За едой Валентин поблагодарил хозяев за тёплый приём в их доме и объявил, что сразу после завтрака намерен вернуться в свою обитель. Кратоний осторожно поинтересовался у Валентина, чем он может выразить свою благодарность за исцеление сына. Валентин усмехнулся.

– Сейчас я с удовольствием приму вашу благодарность в виде кубка любого красного неразбавленного вина, желательного хиосского, только не с галльских виноградников, – и уже без усмешки пояснил. – Обычно я не пью вина, но сейчас оно поможет мне восстановить кондиции организма.

Без какого-либо знака от хозяев раб, отвечавший за напитки, исчез. Как показалось присутствующим, отвлечённым на реплику Прокула, через несколько мгновений он снова возник за спиной Валентина, почтительно указывая на вход в триклиний.

Четверо рабов, просунув в ручки деревянные палки, осторожно внесли в триклиний амфору высотой чуть меньше роста человека. Сделана она была из чёрного гранита и на корпусе были искусно высечены египетские иероглифы.

Раб-виночерпий небольшим молоточком осторожно сбил гипс, которым была залита шейка амфоры, затем щипцами извлек пробку из волокон пальмы. Потом он дал команду рабам носильщикам и те осторожно наклонили амфору, чтобы слить масло, перекрывавшее доступ воздуху.

Налитое в кубки вино янтарного цвета имело удивительный аромат, который заполнил весь триклиний, и было очень приятным на вкус.

– Может всё-таки хиосского? – лукаво усмехаясь, спросил Кратоний.

– Теперь уже нет, – ответил Валентин, маленькими глотками отхлёбывающий вино и явно наслаждаясь его вкусом. – Теперь я смело могу утверждать, что пробовал нектар – напиток богов-олимпийцев.

После завтрака Валентину и Прокулу принесли их коричневые с капюшоном плащи из грубой шерстяной ткани, тщательно выстиранные и выглаженные.

Кратоний передал Прокулу мешочек с сотней сестерций, и, наконец, решился.

– Недавно меня вызывал к себе император. Мне показалось, что он обеспокоен поведением жрецов, желающих представить исцеление Геримона как колдовство и, обвинив христиан колдунами, начать репрессии. Галлиен сейчас не в том положении, чтобы пойти против жрецов. Это он мне дал понять очень ясно и намекнул, что жрецы вполне способны организовать какую-нибудь провокацию для придания видимости законности репрессиям против христиан. Сегодня ночью кто-то обезобразил несколько статуй богов на Форуме и напал на храм Весты, оставив везде знаки в виде выведенного чёрной краской креста. Сенат принял решение об аресте всех римских христиан, а на совете понтификов решено подвергнуть главарей христиан растерзанию львами в Колосее. Вам лучше остаться у меня, в доме советника императора жрецы не решатся на враждебные действия против вас.

– Все события в этом мире развиваются только так, как угодно Богу, да и ваш дом не сможет вместить всех наших братьев, – ответил Валентин и собрался уходить.

– Я покажу вам свою библиотеку, – сказанное получилось у Кратония как-то жалобно и нетвёрдо, но к его удивлению Валентин заинтересованно повернулся к нему.

– Прокул, ты иди к братьям, а я задержусь. Ты же знаешь мою слабость..., – Валентин пояснил, обращаясь уже к Кратонию. – Ещё ни разу я не смог отказаться посмотреть хранилище человеческих знаний и мудрости.

Библиотека занимала почти всю подвальную часть дома Кратония. Как только Валентин вошёл в неё, он не смог удержаться от восхищённого взгласа.

На деревянных многоярусных стеллажах от пола до потолка помещения на полках лежали книги: свитки папируса и пергамента, стопки тонких металлических пластин, аккуратно перевязанные прямоугольники тонкой хорошо выделанной кожи. Надписи на бронзовых табличках под каждой из них облегчали поиск нужной книги.

«Муций Сцевола²⁸. Восстановленные «Великие анналы», – прочёл Валентин на ближайшей к нему табличке. Он взволнованно пошёл вдоль этого стеллажа, читая имена авторов: Гелланик Митиленский, Гней Невий, Квинт Энний, Квинт Фабий Пиктор, Марк Порций Катон, Полибий, Марк Теренций Варрон.

У этой последней таблички Валентин остановился и спросил у Кратония, наблюдавшего за ним с гордостью и удовлетворением присущими истинным коллекционерам, когда к их коллекции проявляют неподдельный интерес:

– «Древности» у вас обе части?

– Обе, – стараясь выглядеть равнодушным, ответил Кратоний, но удалось это ему плохо, так как видно было, что его буквально распирает от гордости.

Ничего не сказав, Валентин пошёл дальше и продолжил читать: Цицерон, Гай Юлий Цезарь, Гай Саллустий Крисп.

У таблички с надписью «Тит Лукреций Кар. «О природе вещей» Валентин снова остановился и задумчиво погладил её пальцем. Потом он посмотрел на две следующие таблички и спросил Кратония:

– Диодор Сицилийский и Тит Ливий полностью?

– Да, – уже не в силах спрятать гордость за напускным равнодушием ответил Кратоний. – Все сорок и сто сорок две книги.

Валентин пошёл дальше, читая таблички, и вновь ненадолго остановился возле «Естественной истории» Плиния Старшего. Проходя мимо таблички с надписью «Апуллей. «Метаморфозы», Валентин улыбнулся.

Когда, не пропустив ни одного стеллажа и ни одной таблички, Валентин закончил осмотр, он сказал Кратонию:

– Вы действительно очень богатый человек. Сомневаюсь, что у кого-либо ещё в Риме имеется такая богатая библиотека. Даже библиотека терм – ничто по сравнению с вашей. Как вам удалось собрать такие сокровища?

– Моё утро начинается с посещения Аргилета²⁹, с тех книжных лавок, где появляются литературные новинки, и лишь потом я направляюсь к Форуму.

Как постоянному покупателю и советнику императора мне оставляют первый экземпляр любой новинки, переписанный писцами. Что касается оригиналов, написанных самим автором, то ещё предыдущий император издал специальный эдикт, обязывающий торговцев книгами продавать их мне, как советнику императора, и возмещать мне расходы из государственной казны на их приобретение при предъявлении расписки продавца.

²⁸ Здесь и далее древнеримские и древнегреческие писатели, философы, учёные.

²⁹ Аргилет – квартал в Риме, место продажи ремесленных изделий и книг.

Валентин ненадолго задумался, а потом сказал:

– Вы спрашивали меня, чем можете отблагодарить за исцеление сына. Я буду очень признателен вам, если вы разрешите мне пользоваться вашей библиотекой.

– Одно ваше слово и я прикажу отнести всё, что у меня есть, в место, которое вы укажете, – волнуясь от того, что наконец получил возможность отблагодарить Валентина чем-то материальным, Кратоний шагнул вперёд и приложил обе руки к груди.

Валентин улыбнулся.

– Вы видели мою обитель. Подобное богатство мне хранить просто негде. Я буду вполне удовлетворён возможностью брать и читать книги. Обязуюсь пользоваться книгами со всевозможной аккуратностью. Начну с вашего позволения с Варроновых «Дела божеские». «Дела человеческие» я недавно прочёл.

Кратоний бросился к стеллажу, схватил с полки плотно увязанный свиток листов папируса и, подойдя к Валентину, протянул ему. Потом он метнулся к другой полке и, вернувшись, вложил Валентину в руку аккуратно связанную стопку тончайших прямоугольников пергамента.

– От этого подарка Учитель у вас нет права отказаться – это копия подлинника «Прогностики» Гиппократа, о которой вы упомянули при первой нашей встрече. Она на греческом языке, но не думаю, чтобы это было препятствием для вас.

Валентин подтвердил своё знание греческого языка кивком головы и бережно взял книгу.

– В таком случае, с Варроном я, пожалуй, повременю, – сказал Валентин и вернул свиток папирусных листов Кратонию.

Предложение выпить ещё один кубок янтарного египетского вина Валентин отклонил и одел плащ.

– Ну, тогда хоть воспользуйтесь моей лектикой, выглядите вы ещё не вполне восстановившим силы, – просительно сказал Кратоний.

В этот момент входная дверь распахнулась от сильного удара извне и в дом ворвались солдаты-преторианцы³⁰ из когорты, находящейся в распоряжении сената. Они без каких-либо объяснений схватили Валентина под руки и поволокли к выходу. Стопка пергамента выпала из рук Валентина, немного скользнула по полу, и один из солдат наступил на неё своей грубой солдатской калигой.

– Стойте! – закричал Кратоний. – Я советник императора и имею право знать, на каком основании арестовывают гражданина Рима в моём доме.

Старший из преторианцев задержался и обернулся. Как проводить арест Валентина в доме Кратония его лично инструктировал понтифик храма Юпитера. Разъясняя задачу, он делал особое ударение на том, что ввиду святотатственного характера совершённого преступления, решение всех конкретных деталей ареста и наказания сенат делегировал совету понтификов, а Верховным Понтификом, как известно, является сам император.

– Это может объяснить тебе сам император, если пожелает. Жаль, что нет приказа арестовать и тебя, христианский пёс. Но я не сомневаюсь, что он скоро последует.

³⁰ Специальные охранные подразделения, которые находились по отношению к другим военнослужащим в привилегированном положении: служили 16 лет вместо 20, получали значительно большее денежное содержание. Первоначально охраняли только императора, но затем стали охранять и других высших должностных лиц государства.

Глава 6

Валентина доставили в Мамертинскую тюрьму. Однако не посадили в камеру, а сразу провели в помещение для пыток.

– Говорят, когда ты колдуешь, появляется огонь, – сказал Валентину палач, мощного гориллоподобного телосложения личность, назвать которую человеком не поворачивался язык из-за выражения звериной жестокости на лице. Он улыбнулся, и в этой улыбке обнажились мелкие белые зубы, которым могли бы позавидовать очень многие крысы. – Сейчас ты его получишь.

Валентина толкнули к огромному деревянному столу. В мгновение ока его разложили на столе в позе распятого Христа: два преторианца держали прижатые друг к другу ноги, один прижимал к столу голову, ещё двое держали раскинутые в стороны руки. Палач, разорвав одежду, оголил Валентину грудь и дважды приложил к ней раскалённый докрасна металлический прут. Два сразу же появившихся багровых рубца образовали крест. Из-за ямки на груди линии рубцов не получились целостными и палач, снова нагрев прут на жаровне, исправил допущенный брак. Его лицо при этом выражало высшей степени наслаждение от выполняемой работы.

Палач видимо принадлежал к очень медленно соображающим людям, так как с удовлетворением разглядывая крест из рубцов на груди Валентина, не обратил поначалу внимания на поведение преторианцев. Оставив Валентина те, со страхом глядя на него, пятились к входной двери. Потом и до палача дошло, что Валентин во время пытки не издал ни звука и даже не пошевелился, хотя ему должно было бы быть нестерпимо больно. Но не страх, а недоумение выразило его лицо, и он шагнул к столу, чтобы продолжить пытку.

Валентин приподнялся, сел на столе, и посмотрел на палача пронзительным взглядом. Через несколько секунд лицо палача потеряло какое-либо выражение и стало похоже на застывшее лицо куклы. Палач замер на том месте, где стоял, и неподвижностью напоминал статую. Преторианцы в страхе жались к стенам, а один рухнул на колени и стал громко умолять Валентина не околдовывать его. Но тот даже не обращал ни на кого внимания, так как был сосредоточен на непонятном для него самом явлении: багровые рубцы на груди затянулись и стали похожи на шрамы от давным-давно полученных ожоговых травм. Но не это удивило Валентина и добавило страха преторианцам – от рубцов стало идти свечение цвета молнии, и свечение это усиливалось.

Не услышав криков пытаемого, в камеру вошёл узнать, в чём дело, командир преторианцев. Валентин посмотрел на него своим пронзительным взглядом, но наверное преторианец был одним из тех немногих людей, которые не поддаются гипнотическому внушению, и этот взгляд не произвёл на него нужного действия. Преторианец выхватил из ножен меч и бросился на Валентина. Свечение рубцов на груди Валентина мгновенно усилилось настолько, что, превратившись в две перпендикулярно пересекающиеся чрезвычайно тонкие плоскости, прошло сквозь командира преторианцев и, достигнув стены камеры, так же мгновенно исчезло, оставив на стене изображение правильного креста.

Тело командира преторианцев начало медленно разъезжаться на четыре части. Преторианцы, которые жались к стене, завопили от ужаса, и, когда одна из верхних частей тела с половинкой головы рухнула к их ногам, бросились вон из камеры.

Видимо, предусмотренное высшими силами на тот момент количество чудесных явлений не исчерпалось, так как ни к чему иному, как к чудесам, следует отнести то обстоятельство, что пятеро здоровенных солдат практически одновременно вылетели из камеры через узкую тюремную дверь. Палач из состояния статуи так и не вышел и продолжал стоять с выражением бездушной куклы на лице.

Валентин долго смотрел на развалившееся тело преторианца, но этот взгляд был рассеянным, он словно прислушивался к чему-то или к кому-то внутри себя.

– Я не хотел этого, но мой Бог оказывается способен проявлять жестокость, если возникает угроза жизни тем, кто преданно ему служит, – с искренним сожалением произнёс вслух Валентин, переступая через останки командира преторианцев. Уже у двери он сказал палачу, – Ты пойдёшь со мной.

Увидев Валентина, стражники тюрьмы и солдаты, столпившиеся в коридоре, в панике бросились бежать.

– Нужно открыть камеры, в которых сидят братья, – сказал Валентин палачу, следовавшему за ним, будто привязанный.

Палач бросился вперёд, преодолев расстояние до убегающих за несколько прыжков, своей огромной ручищей выудил из бегущей толпы старшего из стражников. Ключи от камер, висевшие у старшего стражника на кожаном набедренном ремне он сорвал одним мощным рывком, что едва не окончилось для того плачевно: если бы не разомкнулось металлическое кольцо, на котором висели ключи, ремень от такого рывка вполне мог сломать позвоночник. Ключи рассыпались, палач отшвырнул от себя старшего стражника, словно тряпичную куклу, одним движением сгрёб их с пола и пошёл открывать камеры.

Христиане вначале робко выглядывали из камер, не понимая, что происходит, но, увидев Валентина, поспешили к нему. Когда братья окружили Валентина и забросали его вопросами, палач угрожающе зарычал и собрался разбросать эту толпу в стороны. Валентин предостерегающе глянул на него, и палач успокоился, прислонившись к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.